

В сентябре в ГУ — ВШЭ открывается новый исторический факультет. О специфике исторического знания, современной ситуации в гуманитарных науках и особенностях подготовки будущих историков рассказывает декан нового факультета, доктор исторических наук, Александр Каменский.

Беседовал Иосиф Фурман

Новый исторический факультет в ГУ—ВШЭ

— Александр Борисович, в своем выступлении на радио «Эхо Москвы» вы говорили о том, что на новом историческом факультете, который открывается в сентябре в ГУ — ВШЭ, будет реализован новый подход к обучению. Не могли бы вы рассказать об этом поподробнее?

— На сегодняшний день в российском высшем образовании существует общая проблема, связанная с переходом на двухуровневую систему обучения, выстроенную по Болонскому образцу. Проблема заключается в том, что эта система, в том виде, как она существует на Западе, предполагает качественно иное концептуальное осмысление ступеней высшего образования и, как следствие, иные принципы организации учебного процесса. Именно поэтому переход на Болонскую систему для нас чрезвычайно сложен. Если поставить задачу действительно воспроизвести в России все то, что предполагается болонскими документами, то необходима коренная ломка существующих структур в сфере образования. Поэтому на практике зачастую ищутся какие-то альтернативные пути приспособления наших институций и установок к новой системе.

Последние два года в России разрабатывались стандарты высшего образования третьего поколения, то есть двухуровневой системы обучения. При этом разработчики были поставлены в достаточно сложные условия: им не сказали — фантазируйте и делайте так, как считаете идеальным. Это невозможно. Ведь кто являлся разработчиком? Руководители вузов, деканы факультетов. А декан, работая на своем факультете, имеет сложившийся состав преподавателей, факультет принадлежит к определенной научной школе и следует определенной научной традиции. Соответственно, при разработке новых стандартов их авторы старались приспособить их к реальным условиям жизни, и по возможности сделать из пятилетнего учебного плана четырехлетний, никого при этом не обидев и не сократив. В ГУ — ВШЭ у нас появился уникальный шанс: мы ничем не связаны, и у нас нет угрозы сломать сложившийся факультет. Мы начинаем с нуля и можем попытаться предложить иную образовательную модель, которая, с нашей точки зрения, будет в большей степени соответствовать задачам двухуровневого образования, с одной стороны, и с другой — состоянию современной науки.

— Насколько российский рынок труда готов принять бакалавров и ориентироваться на Болонскую модель образования?

— Действительно, вопрос, который неизбежно возникает: зачем вообще нужно переходить на Болонскую систему? Говорят, что это нужно для большей мобильности и конвертируемости дипломов. Это правда, но это вторично. Первично другое: Болонская система в гораздо большей степени соответствует современному рынку труда. Не только у нас в стране, а рынку в мировом масштабе. Она вообще больше соответствует современному устройству мира и отражает те изменения, которые происходят последние двадцать лет в представлениях о том, что такое образование, кто такой образованный человек и что такое высшее образование, в частности.

Сложностей тут несколько. Во-первых, как вы правильно заметили, наш рынок труда еще совершенно не знает, кто такой бакалавр. Во-вторых, трудовое законодательство пока еще не скорректировано соответствующим образом. В-третьих, в России есть определенная традиция высшего образования, определенная структура университетов, определенный устоявшийся принцип организации учебного процесса. Это особенно касается тех вузов, которые финансируются государством.

В чем положительная особенность двухуровневой системы? Давайте рассмотрим этот вопрос на примере архивной деятельности, одной из основных профессиональных сфер историка. С начала 1930-х годов у нас существовал Московский Историко-архивный институт, замечательное учебное заведение, из стен которого вышло большое число выдающихся историков и на базе которого в начале 1990-х годов возник Российский государственный гуманитарный университет. Но главная миссия института заключалась в том, чтобы готовить работников архивных учреждений. В советское время существовали только государственные и ведомственные архивы, поэтому работа с архивами была задачей государственного значения.

Но значит ли это, что для того, чтобы работать в архиве, человеку необходимо проучиться именно пять лет? По своему опыту я могу сказать, что это совершенно не обязательно. У архивистов есть самые разные функции: есть сотрудник, который выдает архивные дела исследователям в читальный зал и принимает их обратно. Есть тот, кто занимается проверкой наличия дел (согласно законодательству полагается осуществлять периодическую проверку наличия документов). Кто-то может заниматься описанием дел, составлением разного рода справок и т.д. Все эти виды работы вполне может освоить человек, проучившийся в вузе четыре года. И бакалавр-историк сможет работать на значительной части архивных должностей. Точно так же любой бакалавр-гуманитарий, и бакалавр-историк в частности, сможет работать в библиотеке, музее, газете, радио или телевидении — и работать достаточно успешно. Но понятно, что бакалавр не может быть, например, руководителем научного проекта и, если вернуться к архивам, то, к примеру, он не может на необходимом уровне подготовить публикацию документов, предполагающую их научное комментирование. Для этого нужна более высокая степень специализации, владение более специальными навыками. В этом и есть принципиальное различие. Что касается рынка труда — куда ему будет деваться, когда никого, кроме бакалавров, не будет?

— В одном из своих интервью вы рассказывали о том, что будет сделан большой акцент в обучении на другие гуманитарные дисциплины. Насколько важен для историка общегуманитарный контекст?

— Чтобы плодотворно работать, историк должен получить основательную гуманитарную подготовку. Это важно в силу тех процессов, которые происходят сегодня в гуманитарном знании в принципе. Одним из процессов, связанных с переходной эпохой, является процесс размывания границ между традиционными дисциплинами. На этих границах возникает что-то новое, типа гендерных исследований или cultural studies. Если историк занимается историей России XVII–XVIII веков и изучает проблему преступности в этот период, он может работать с источниками и написать вполне традиционную, можно сказать, позитивистскую работу. Но если он хочет, чтобы его работа была достаточно современной, ему нужно почитать, например, Мишеля Фуко и другую современную литературу. Но мало просто почитать — нужно понять. А для того, чтобы понять того же Фуко, нужно быть к этому подготовленным. Именно поэтому на нашем факультете мы стараемся дать нашим студентам максимально широкое представление о том, что происходит в других гуманитарных областях.

— А что, на ваш взгляд, сейчас происходит с уровнем преподавания истории? При подготовке этого номера мы столкнулись с тем, что масса «лжетеорий» официально преподается в университетах, в том числе и на исторических факультетах.

— Мы живем в сложную переходную эпоху. Применительно к нашей стране это не требует особых разъяснений, но я говорю и о переходном периоде во всемирной истории. Заканчивается то, что называется модерном и восходит к XVIII веку. На наших глазах происходит переход к какой-то новой историко-культурной эпохе в истории человечества. Любая переходная эпоха, если мы обратимся к историческому материалу, чревата очень серьезными психологическими травмами и социальными потрясениями. Другой особенностью такой культурной ситуации является повышенный интерес к разного рода «альтернативным взглядам». Это очень хорошо видно на примере нашей страны и касается чего угодно — черной и белой магии, спиритизма, астрологии — всего спектра вненаучного знания. Отсюда и повышенный интерес людей к спекулятивным воззрениям на историю.

Некоторые говорят: «В советское время мы имели дело с куда более тотальной фальсификацией истории без всякой переходной эпохи». Но это неверно. Особенностью советского времени было то, что существовало государство, построенное на идеологии. Но это вовсе не значит, будто всё, что учили люди в советское время в школе или университете по истории, это спекулятивное, фантастическое знание. Это была одна из версий русской истории. Причем версия русской истории, которая преподавалась в советское время, в значительной мере основывалась на версии, сформулированной в дореволюционное время. Конечно, она значительно видоизменилась и трансформировалась, так как была положена на фундамент марксистско-ленинской теории в целом и формационного подхода в частности. Но основа была прежней. И не нужно думать, что все, что было написано историками в советское время, нужно кинуть в печь.

В советское время были написаны десятки высококлассных профессиональных исследований, научное значение которых останется в науке навсегда. Например, источниковедение как отрасль исторической

науки получило серьезное развитие парадоксальным образом именно в советское время. Тогда были области, которыми нельзя было заниматься по идеологическим причинам: например, нельзя было заниматься историей дворянства. Но можно было заниматься источниками по истории дворянства. Поэтому писалось много специальных источниковедческих исследований.

В любой стране всегда существует какая-то часть исторического знания, которая интерпретируется в угоду господствующей идеологии. История всегда очень тесно сопряжена с политикой по весьма определенным причинам: представления о прошлом очень важны для регуляции социального поведения людей.

— Изменились ли в связи с переходной культурной ситуацией критерии и границы исторического знания?

— В исторической науке критерий научного знания достаточно четок: он определяется профессионализмом работы исследователя с источником. Никакого другого критерия не существует. Все, что происходит дальше, называется интерпретацией, с которой можно соглашаться или не соглашаться. Поэтому историки, когда оценивают, например, диссертационное исследование, всегда смотрят сначала на источниковую базу работы. Дальше уже можно смотреть, освоил ли исследователь всю существующую историографию, знает ли он о современных подходах и методиках. Но это вторично. Первое — источники.

Главный вопрос источниковедения — вопрос достоверности; нельзя просто использовать источник, сначала нужно проверить ту информацию, которая в нем заключена. Мы нередко сталкиваемся с тем, что наши коллеги из других дисциплин (культурологи, антропологи и др.) берутся за написание работ на исторические темы в постмодернистском ключе. И это оказывается вне рамок исторической науки. Классический случай: однажды в РГГУ на факультете истории искусств девушка защищала дипломную работу, и присутствующий на защите историк спросил ее: «Простите, а на каких источниках вы основываете свои наблюдения?»

Ответ был примерно такой: «А мне не нужны источники, я так вижу, понимаете?»

Видишь — отлично, но это уже не наука. Впрочем, это было довольно давно...

— Вопрос о границах истории как науки, наверное, начинается с единого профессионального сообщества историков. Можно ли говорить сейчас о чем-то подобном?

— Сегодня вряд ли возможно говорить о существовании в нашей стране единого профессионального исторического сообщества. В исторической науке произошло размежевание по самым разным принципам: возрастному, географическому, идеологическому... Существует много групп историков, которые работают совершенно изолированно друг от друга и стараются друг друга не замечать. Поэтому, конечно, проблема критериев существует. Но, насколько я могу судить, вопрос о границах остро стоит для всей гуманитарной сферы. И не только для российских гуманитариев, но и для гуманитариев на всем постсоветском пространстве. Именно поэтому несколько лет назад была создана организация под названием Международная ассоциация гуманитариев (МАГ). Одной из провозглашенных целей этой организации является борьба за восстановление профессиональных критериев. Осенью этого года предполагается проведение международной конференции под эгидой МАГ во Львове, и одним из главных вопросов для обсуждения будет как раз вопрос о критериях научности.

— Когда события становятся историей, предметом изучения для историка?

— Граница между прошлым и настоящим, или проблема «историзации» прошлого — сегодня одна из наиболее дискутируемых проблем в исторической науке. В советское время было принято четкое разделение всемирного исторического процесса на определенные этапы: Древний мир, Средние века, Новое время, Новейшее время... Человек выходил из школы с четким убеждением, что в 1649 году закончились Средние века. Но ведь для тех людей, которые жили в 1649 году, совершенно ничего не закончилось.

Сейчас нередко заходит спор об относительно недавних событиях, например, девяностых или нулевых годах. Конечно, девяностые годы — это прошлое, но стали ли они историей — открытый вопрос.

Как правило, недавнее прошлое находится больше в поле зрения политологов, нежели историков. Не случайно на Западе установлены довольно четкие сроки рассекречивания архивных документов. Для разных категорий сроки разные, но в среднем для открытия документов действует срок в тридцать пять лет. Очевидно, эти сроки рассекречивания взяты не с потолка и имеют свое обоснование и традицию. Таким образом, признается, что через тридцать пять лет события могут стать предметом исторического изучения. Кто-то может считать, что девяностые годы уже стали предметом, подходящим для изучения историка, так как существуют источники, но мне такая профессиональная позиция не очень близка.

— Кажется, что в истории постоянно меняется картина прошлого. Каким образом происходит развитие истории как науки?

— История как профессиональное знание о прошлом имеет определенную специфику, которую, к сожалению, далеко не всегда правильно понимают. Она связана с тем, что историк занимается изучением прошлого. Но не прошлого вообще, а прошлого людей.

Каждый человек, в той или иной степени, имеет в своем сознании собственную картину прошлого, которая сложилась под влиянием множества факторов: семьи, школы, телевизора, литературы, вероисповедания и многого другого. Это соединение, подчас очень своеобразное, в значительной степени определяет наше отношение к тем или иным явлениям сегодняшнего дня. И когда вдруг человек слышит, что историк говорит: «Все было не так, все было по-другому», то он, естественно, возмущается и говорит: «Эти историки все время только переписывают историю! И что это за наука такая, где все время все меняется?» При этом того же человека не волнуют изменения каких-то позиций в химии или биологии. Но ведь любая наука должна развиваться!

История развивается по тем же законам, что и все остальные науки. Переосмысление происходит тогда, когда появляются новые источники, до этого не изученные. С другой стороны, историк как носитель исторического сознания и человек, принадлежащий своему времени, обращаясь даже к изученным материалам, может видеть в них то, чего не видели его предшественники. Это позволяет ставить по отношению к уже известным источникам новые вопросы. Так и происходит развитие исторического знания ■

Культурная антропология будущего. В Москве прошел Международный симпозиум «Пути России»*

Новая антропология культуры

Конструирование будущего, будущее как продукт культуры были основными темами первого доклада, с которым выступила Ирина Прохорова, главный редактор «Нового литературного обозрения». Темой ее выступления стало описание будущего как культурного проекта и непосредственно связанная с этим проектом проблематика утопического сознания. Проект будущего строится на основании так или иначе сконструированной истории; применительно к России это выражается в давнем споре о том, следует ли включать уникальные российские историю и культуру в мировой (прежде всего, европейский) контекст, или же их необходимо рассматривать строго обособленно. «НЛО» разделяет первую позицию, сотый номер этого издания посвящен поиску параллелей между опытом России и рядом схожих с ней стран, представляющих или недавно представлявших собой так называемые «закрытые общества» (Япония, ЮАР и др.)

В основе этого подхода лежит идея о множественности возможных сценариев модернизации общества — эта идея противопоставляется «глобалистскому» подходу, согласно которому любое общество в своем развитии повторяет путь западноевропейской цивилизации. Однако использование тезиса об уникальности культур как аргумента для оправдания существующих авторитарных режимов воспринимается авторами «НЛО» негативно.

Говорилось также о попытках создания общей истории Европы, которые неоднократно предпринимались в течение последних двадцати лет. Преодоление противоречий, существующих в рамках национальных историй, очевидно, должно укрепить проект экономического, политического и культурного объединения Европы; но после двух мировых войн стало понятно, что написание подобной истории невозможно, если ее субъектами выступают национальные государства. Однако изменения, произошедшие в исторической науке в первой половине XX века и связанные с деятельностью французской школы «Анналов», позволили выдвинуть новый вариант универсальной

истории. На смену крупным нарративам пришла история приватного человека и малых групп.

Объектами исследования этой новой истории стали процессы изживания исторических «травм» (как отдельным человеком, так и определенными группами общества), компенсаторные механизмы, активирующиеся в обществе в кризисных ситуациях, и т.п. В качестве примера компенсаторной реакции приводился тот факт, что многие представители «закрытых обществ» (т.е. тех, в которых определенные группы частично или полностью изолированы от участия в политическом процессе, экономике и т.д.) компенсируют невозможность самореализации в деятельности верой в величие страны, частью которой они являются.

Таким образом, проблематика различных вариантов модернизации «закрытых обществ» связывалась с различными антропологическими факторами. Приватный человек, неформальные группы и институты в рамках данного подхода рассматриваются как ключевой субъект исторического процесса.

Множественная темпоральность

Модернизация сама по себе имеет процессуальный, временный характер. Следовательно, для ее описания требуются категории и языки темпоральности. Этой теме был посвящен доклад Николая Ссорина-Чайкова.

Социальный географ Д. Лоуэнталь писал:

«Прошлое — чужая страна: они там все делают по-другому». Перефразируя, можно сказать, что в чужой стране и время другое; путешественник, открывающий для себя новые страны, в каком-то смысле путешествует во времени. Отличие в уровне

Подготовили Роман Гуляев, Владимир Селиверстов, Алексей Плешков, магистранты факультета филологии ГУ–ВШЭ.

* 29–30 января состоялся очередной ежегодный международный симпозиум «Пути России». Этот форум проводится Московской высшей школой социальных и экономических наук начиная с 1993 года. Тема симпозиума этого года — «Будущее как культура» (формулировка темы отсылает к метафоре английского романиста Л.П. Хартли — «прошлое как культура»).